

НЕДИАЛЕКТНЫЕ ЦЕНТРЫ
ЦАКОНСКОГО ДИАЛЕКТНОГО СООБЩЕСТВА:
ПАРАДОКСЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Максим Львович Кисилиер

*Институт лингвистических исследований
Российской академии наук (Санкт-Петербург);
филологический факультет СПбГУ
m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru*

В силу разных исторических обстоятельств носители вариантов (ново)греческого языка не сконцентрированы в Греции или даже на Балканах, а разбросаны по всему миру, причем в некоторых странах проживают десятки, а иногда и сотни тысяч человек, идентифицирующих себя как греки (см. подробнее Χασιώτης к. а. 2006). Глобализация и интерференционные процессы привели к тому, что везде за пределами Греции новогреческий язык или его диалекты не являются единственным и доминирующим языком представителей местных греческих сообществ. В «новых» диаспорах, в основном сложившихся в XX в., в частности, в Канаде (ср. Ralli 2019) или в США, интерференционные процессы идут быстрее и интенсивнее, чем в греческих сообществах, появившихся в Средние века или еще в период Античности, и часто приводят к утрате языка уже во втором поколении. Показательно, что при этом греческая идентичность обычно сохраняется, и очень часто дети греческих мигрантов идут учиться «родной» новогреческий язык «с нуля».

Далеко не все греческие сообщества можно однозначно назвать диаспорами, поскольку некоторые из них, например, в Южной Италии, Малой Азии (Турции) или в Крыму, появились в местах своего настоящего пребывания раньше, чем окружающее их негреческое население, и в нарративах их представителей Греция может фигурировать как страна, близкая в культурном и языковом отношении, но не как прародина, откуда они некогда пришли. Более того, для некоторых анклавов (понтийские и приазовские греки) Малая Азия и Крым сами играют роль прародины.

При изучении анклавных культур повышенный интерес вызывают идентификационные сценарии, позволяющие сообществу не раствориться в окружающем мире. Принято считать, что важнейшей структурообразующей основой анклавов является диалект. В современном мире все новогреческие диалекты независимо от их географического положения в той или иной степени оказались под угрозой исчезновения: фактически везде они перестали быть необходимым инструментом для коммуникации — эта функция перешла к местным доминирующим языкам — русскому языку в Крыму, Краснодарском крае или в Приазовье, к итальянскому языку в Апулии и Калабрии в Южной Италии, к албанскому и стандартному новогреческому в краине Химара в Южной Албании и проч. Исключением можно считать понтийский диалект, на котором понтийцы из разных стран регулярно общаются между собой, поскольку это единственный язык/диалект, который они все понимают.

Вопрос об идентификационных сценариях актуален не только для греческих анклавов за пределами Греции, но и для диалектных сообществ внутри Греции, причем как для появившихся относительно недавно каппадокийцев или понтийцев, так и более традиционных, проживающих на территории Греции уже много веков, например, для цаконцев из Аркадии на Пелопоннесе. В научных исследованиях цаконцы обычно описываются как особый языковой и культурный анклав. Их диалект принято возводить напрямую к древнему лаконскому диалекту (см., напр., Кисилиер 2017: 107), и сами цаконцы активно поддерживают этот миф по крайней мере уже на протяжении нескольких веков (ср. Leake 1830: 505), возможно, вслед за византийскими историками и писателями (Кисилиер 2014: 293). Большинство исследователей (осознанно или нет) пытаются приписать цаконцам черты диаспоры, подчеркивая их отрезанность от внешнего мира до 1960-х гг., когда была проложена дорога, соединившая Цаконию с остальными регионами Греции (ср.

Κοντοσόλου 2010: 191), и возводя, хотя, скорее всего, ошибочно, этноним ‘цаконцы’ к лексеме *ἔξωλάκωνες — букв. ‘лаконцы, находящиеся вне Лаконии’ (Ἄμαντος 1921; ср. Witczak 2015). Рядовые цаконцы знают об этих гипотезах и охотно их транслируют приезжим. Однако при этом они рассказывают и о том, как их предки активно плавали по морю не только на ближайшие острова Спецес, Идру и в Навплион, но и в Константинополь, в Италию и в Россию, разрушая тем самым представление об отсутствии внешних контактов. Гипотеза об изолированности цаконцев опровергается и лингвистическими данными — многочисленными лексическими заимствованиями из других языков, прежде всего балканских и итальянского (Кисилиер 2017: 112–122). Интересно, что в нарративах Лакония никогда не упоминается как прародина, а лишь как один из возможных вариантов для зимовки скота.

Хотя цаконцы несомненно гордятся своим гипотетическим дорийским происхождением, они не противопоставляют себя остальной Греции, и нет оснований говорить об иерархических отношениях между местной и общегреческой культурами. Цаконцы в не меньшей степени гордятся вовлеченностью в события, знаковые для всей Греции, например, в Греческую революцию (Васильева, Кисилиер 2019: 147–148, 155), и дорийское происхождение оказывается значимым не само по себе, а как указание на уникальную связь с греческой античностью. Эта связь ценна не только для цаконцев, но и для других греков, поскольку дополнительно подчеркивает непрерывность греческого культурного и языкового континуума от Древней Греции через Византию к современной Греции.

При всем вышесказанном следует признать, что цаконцы, как и все традиционные сообщества, очень замкнуты и готовы демонстрировать стороннему наблюдателю лишь внешние стороны своей идентичности. Многие приезжие могут даже никогда не услышать местного диалекта и прийти к ложным выводам о его полном исчезновении. Возникает резонный вопрос: на чем сегодня строится цаконская идентичность? Очевидно, что, в отличие от некоторых греческих диалектных групп, например, в Эпире (Παλασταύρου 2016) или в близком к Цаконии горном селе Козмас (Κωστάκης 1963–1968), цаконцы не профессиональное сообщество. Их традиционные занятия — рыбалка, скотоводство и сельское хозяйство — характерны и для остальной Греции, и других стран Средиземноморья. От окружающих греков цаконцы, в первую очередь, отличаются абсолютно непонятным внешнему наблюдателю языком.

Можно даже предположить, что этноним ‘цаконцы’ представляет собой экзоним, отражающий «особость» местного диалекта (Кисилиер 2014: 299–301). Впрочем, сегодня далеко не все цаконцы владеют родным цаконским. По разным подсчетам число говорящих колеблется от 200 (Salminen 2007: 271–272) до 8000 чел. (Κοντοσόπουλος 2001: 3). Часто диалект оказывается не объединяющим фактором, а «яблоком раздора» — разные населенные пункты ожесточенно спорят о том, где должен находиться центр изучения диалекта, где его лучше преподают и чей вариант является наиболее аутентичным. Иногда даже предпринимаются попытки привлечь к внутренним спорам сторонних экспертов — диалектологов и балканистов. Стоит отметить, что подобные споры шли еще семьдесят лет назад, когда цаконский был основным средством коммуникации в регионе. Так знаменитый исследователь цаконского Фанасис Костакис (Κωστάκης 1956) издал исправления к работе немецкого филолога Михаила Деффнера (Δέφνερ 1922), предложив заменить формы, характерные для субдиалекта Прастоса, на формы, типичные для родной ему Меланы.

Более тщательное исследование показывает, что и в прошлом далеко не все цаконцы говорили на родном диалекте. По-видимому, цаконский использовали деревенские пастухи и рыбаки/моряки. Жители столичного Прастоса, имевшие многоэтажные каменные дома и торговавшие в Константинополе, Италии и даже в России, диалектом не пользовались, и их потомки, где бы они сейчас ни жили, в отличие от выходцев из других населенных пунктов, не владеют диалектом. При этом их цаконская идентичность ни ими самими, ни окружающими (в т. ч. и блестяще владеющими диалектом) никогда не ставится под сомнение. Цаконец может не только не владеть цаконским, но даже не жить в Цаконии, как знаменитый купец конца XVIII — начала XIX вв. Константинос Цикалиотис, имевший дома и в старой столице Цаконии, городе Прастосе, и новой — Леонидионе, но постоянно находившийся в Италии. По-видимому, для идентичности значимо не реальное место проживания, а причастность к коммеморативным практикам, признаваемым сообществом. Для современной Цаконии центром коммеморативных практик является бывшая столица Прастос. Для этой символической роли он обладает целым набором важных качеств:

1. **Древность.** Прастос принято возводить к древнегреческому городу αἰ Πραστίαἰ или Βραστίαἰ, упомянутому Фукидидом, Страбоном и Павсанием (ср. von Thiersch 1832: 570).

2. **Существование за границами противоречий.** По разным причинам жители покинули Прастос в первые десятилетия XIX в. и переехали либо в новую столицу Леонидион, либо в Константинополь, либо в Румынию. Они перестали претендовать на свою собственность в Прастосе, хотя их потомки до сих пор безошибочно показывают, какие дома и участки принадлежали их семьям. Прастос не оставался долго пустым, и его заняли окрестные цаконязычные пастухи, которые жили там до 1960х гг. Сейчас в Прастосе живут только в летние месяцы. Важно, что изначально Прастос не был связан с каким-либо из вариантов цаконского диалекта и не претендует на звание диалектного/языкового центра.

3. **Общепризнанность.** Значимость Прастоса признают все цаконцы, независимо от родовых связей с этим городом. Даже предлагая другие места, важные для собственной идентичности, они неизменно связывают их с Прастосом. Например, жители Тироса считают, что самая древняя столица Цаконии находилось на плато над их городом рядом с пастушеской деревней Пальохора. Эта столица, якобы, была разрушена крестоносцами с XIII в, и ее жители переебрались в Прастос.

Таким образом, если использовать концепцию Пьера Нора (Нора и др. 1999), Прастос можно назвать «местом памяти» цаконцев как единого сообщества. Сюда обязательно привозят детей, а также исследователей, если им хотят показать, что такое настоящая Цакония. На роль «места памяти» претендует и город Леонидион, однако безуспешно, поскольку параллельно с этим Леонидио борется за звания основного культурного, диалектного, туристического и административного центра региона. Истинное место памяти не терпит суеты.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильева, Кисилиер 2019 — *Васильева И. Э., Кисилиер М. Л.* Греческая революция как культурный феномен: к проблеме формирования коллективной памяти и локальной идентичности // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2019. Т. XXIII. Ч. 1. С. 135–160.
- Кисилиер 2014 — *Кисилиер М. Л.* О Цаконии и цаконцах: на стыке истории и филологии // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2014. Т. X. Ч. 1. С. 283–306.

- Κισιλιερ 2017 — *Κισιλιερ Μ. Λ.* Λεξικές особенности цаконского диалекта новогреческого языка: Предварительные наблюдения и перспективы исследования // *Вопросы языкознания*. 2017. Т. 1. С. 105–136.
- Нора и др. 1999 — *Нора Π., Οζυφ Μ., δε Πιουμεζ Ж., Βиноκ Μ.* Франция-память. Перевод Д. Р. Хапаевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
- Leake 1830 — *Leake W. M.* *Travels in Morea*. Vol. 2. London: Cambridge University Press, 1830.
- Ralli 2019 — *Ralli A.* (ed.). *Language and immigration: The language of Greek immigrants in Canada*. Patras: Laboratory of Modern Greek dialects [Department of Philology, University of Partas], 2019.
- Salminen 2007 — *Salminen T.* Europe and North Asia (Ch. 3) // *Moseley C.* (ed.). *Encyclopedia of the world's endangered languages*. London; New York: Routledge, 2007. С. 211–280.
- von Thiersch 1832 — *von Thiersch F. W.* Über die Sprache der Zakonen. Gelesen in der Sitzung der I. Classe der Königl. Akademie der Wissenschaften am 3. Nov. 1832 // *Abhandlungen der philosophisch-philologisch Klasse der Königliche Bayerische Akademie der Wissenschaften*. 1832. Bd. 1. S. 513–582.
- Witzak 2015 — *Witzak T. K.* On the chronology of the loss of *λ in Tsakonian (Late Laconian) // *Graeco-Latina Brunensia*. 2015. Vol. 20. No. 2. P. 177–188.
- Ἄμαντος 1921 — *Ἄμαντος Κ. Ἰ.* Τσακωνία — Sclavonia // *Ἀφιέρωμα εἰς Γ. Χατζιδάκιν*. Διατριβαὶ φίλων καὶ μαθητῶν ἐπὶ τῇ τριακοστῇ πέμπτῃ ἐπετειῷ τῆς ἐν τῷ πανεπιστημίῳ καθηγεσίας αὐτοῦ. Ἐν Ἀθήναις: Τύποις Π. Δ. Σακελλαρίου, 1921. Σ. 130–134.
- Δέφνερ 1922 — *Δέφνερ Μ.* Χλωρίς τῆς Τσακωνιάς. Ἀθήναι: Τυπογραφικὴ ἐταιρία Σταύρου Χρίστου & Σία, 1922. (Γεωπονικὴ βιβλιοθήκη. Τ. 2.)
- Κοντοσόπουλος 2001 — *Κοντοσόπουλος Ν. Γ.* Διάλεκτοι καὶ ιδιώματα τῆς νέας ἐλληνικῆς. Ἀθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη, 2001.
- Κοντοσόπουλος 2010 — *Κοντοσόπουλος Ν. Γ.* Κατωϊταλικὴ καὶ Τσακωνικὴ // *Κοπιδάκης Μ. Ζ.* (επιμ.). *Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσας*. Ἀθήνα: Μορφωτικὸ Ἰδρυμα Ἐθνικῆς Τράπεζας, 2010. Σ. 190–192.
- Κωστάκης 1956 — *Κωστάκης Θ. Π.* Προσθήκες καὶ διορθώσεις στὴ «Χλωρίδα τῆς Τσακωνιάς» τοῦ Μιχαὴλ Δέφνερ // *Mélanges offerts à Octave et Melpo Merlier: à l'occasion du 25e anniversaire de leur arrivée en Grèce*. Τ. I. Ἀθήνα: Institut Français d'Athènes, 1956. P. 133–156.
- Κωστάκης 1963–1968 — *Κωστάκης Θ. Π.* Οἱ γιωργατζάδες τοῦ Κοσμᾶ καὶ ἡ γλῶσσα τους // *Πελοποννησιακά*. 1963–1968. Τ. ΣΤ'. Σ. 43–91.

Παπασταύρου 2016 — *Παπασταύρου Χ. Β.* Τ'αλειφιάτικα, τα σωπικά και τα μουτζούρικα. 2 έκδ. Αθήνα: Εκδόσεις Ελίκρανον, 2016.

Χασιώτης κ. α. 2006 — *Χασιώτης Ι. Κ., Κατσιαρδής-Heiring Ό., Αμπατζή Ε. Α.* (επιμ.). Οι Έλληνες στη Διασπορά 15ος – 21ος αι. Αθήνα: Βουλή των Ελλήνων, 2006.